

Отзыв

«Ложь войны. Исповедь военкора» Дмитрия Зименкина — это книга-приключение и отчасти книга-исповедь. Дмитрий пишет живо, без пафоса и самолюбования. Будто делится с дневником сокровенными мыслями. Большая часть его историй документальна и написана по результатам журналистских командировок. Часто это просто наблюдения, размышления, «заметки на полях». А иногда сны и фантазмагория, уход от реальности в художественные образы.

Зименкин-журналист скован цензурными цепями, но Зименкин-писатель скидывает цепи и начинает писать обо всём, что его тревожит. В том числе на «запретные» темы: о зэках, о вагнерах, о смерти. И о себе на войне: «...Мы все уже давно тут комбатанты. И нас убивают, хотя мы и воюем не снарядами, а словом и кадром...».

Дмитрий сам признает, что его военный дневник — как график кардиограммы, то вверх, то вниз. То он встречается с президентом России, то изучает

обломки самолёта Пригожина, то едет на передовую с ахматовцами, а то вдруг вспоминает, как сам чуть не попал на службу в ФСБ. То к небу, то до земли. И если вы не боитесь прокатиться с Дмитрием на этих «русских горках», прочтите его Книгу. Она того стоит.

*Григорий Кубатьян,
военкор «Комсомольской правды»*

Тайна президента

Президент ворвался в зал так же бодро, как и в первую нашу встречу, качнув попутным воздушным потоком кремлевские занавески. Только в этот раз в помещении, где сидели военкоры, царил полумрак. Освещение выключили, а дневной свет скупо пробивался через полуприкрытые окна. Да и зачем нам лампы и софиты? В этот раз мы сидим без телекамер и прямой трансляции на всю страну, так что обстановка может быть интимнее и неформальнее — глядишь, и разговор получится более откровенным и интересным.

Путин был необычайно весел, шутил пуще обычного, иногда в эмоциональном запале переваливался через стол и, нависая над нами, заразительно смеялся. Мы смеялись в ответ. Таким Верховного я еще никогда не видел.

В один из моментов приближения я вдруг заметил, что лицо Владимира Владимировича уж слишком молодо и худощаво. «Вот для чего нужен этот полумрак! — догадался я, — он скрадывает детали. — Прислушался: — Да и голос у него другой!»

Толкаю в бок соседа, кажется военкора Руденко, шепчу:

— Парни, как-то не похож он на нашего президента.

— Точно... Двойник, что ли?... Ага. Но и двойник-то совсем непохожий, — пошла молва вдоль ряда присутствующих.

— Так если это не Владимир Владимирович, зачем нас здесь собрали? — все громче и более неприкрыто зазвучал ропот, превращаясь в гомон.

И тут где-то из сумрака зала послышались тихие, но уверенные шаги, после чего над нашими ушами зашипели голоса:

— Вы в своем уме? Думайте, что вы говорите!.. Никаких сомнений в том, что это президент, нет и быть не должно. Продолжайте встречу. Работайте.

«В самом деле. Не нужно лезть не в свое дело», — подумал я. А насчет этой бытующей в некоторых кругах истории с двойником Путина... Президентские мероприятия я как журналист снимаю уже 14 лет. Имел возможность наблюдать главу государства воочию в разные периоды его жизни, в различных ситуациях и умею хорошо подмечать визуальные и вербальные детали объекта — это у меня как у несостоявшегося художника развито. Так вот, я осмелюсь уверенно заявить: у Владимира Владимировича Путина...

...Тут рядом со мной звонко заголосил будильник и оборвал встречу военкоров, смысл и развязка которой так и осталась для меня тайной. На часах смартфона было 8:30, а утренний свет сквозь полуприкрытое окно едва пробивался в номер луганско-

го отеля. «Вот это турбулентность бытия, — в шутку подумал я, — ночью в Кремле, утром в гостинице Луганска, а вечером уже в глиняной землянке на передовой. Только если самолету турбулентность ничем не грозит, в моем случае она нередко несет смертельную опасность. Но, несмотря на этот несколько тревожный фактор, я переживаю самый интересный период всей моей жизни и вряд ли бы променял его на тихую и безопасную стабильность».

О подобных приключениях потом пишут книги, о таких днях в старости рассказывают внукам. Главное — умудриться дожить до этой старости, не увлечься интересностью рискованного бытия, не утонуть головой в войне и не сойти с ума. Поэтому, пока у меня нет внуков, а сам я нахожусь в здравом уме, все еще в твердой памяти и на свободе, на всякий пожарный случай, напишу хотя бы пару книжек. И если вы сейчас читаете эти строки, то я крайне удивлен. Был уверен, что издательство никогда не пропустит эту книгу в печать. Ну, что ж, значит мне все-таки безумно сопутствует фортуна!

40 метров от ВСУ (374 ОСБ)

Невезение следовало за крахом и неудачей подгоняло. В этот вечер ничего не клеилось и не спорилось, успех покинул нас, и этот факт стал очень беспокойным сигналом, ведь мы ехали в одно из самых опасных мест на планете — под Клещевку, к самой передовой позиции на железной дороге, за которой только смерть. И были бы мы чуть

суевернее, мы отменили бы эту съемку ко всем чертям и вернулись из Бахмутского района в Луганск. И эта глава носила бы уже другое название и живописала бы совсем об ином. Но...

Сначала лопнула канистра с бензином в салоне «буханки» 374-го батальона, и десятки километров пути мы вдыхали токсичные пары, впрочем, претерпевая дискомфорт вполне стоически, если не считать слегка деморализующей головной боли. Не понимаю, что в этом процессе находят для себя токсикоманы?

Но на этом наши злоключения только открывали свой счет.

Наш сопровождающий с позывным Арамис накануне съел что-то не то, и его всю дорогу мучило. Вонь от разлитого в машине бензина только подхлестывала его недуг, и мы дважды останавливались, чтобы «мушкетер» 374-го Отдельного стрелкового батальона сделал привал, полежал на свежем воздухе, перевел дух, чтобы мы снова смогли ринуться в погоню за подвесками королевы... ой, двинуться в путь за «подсьемами» Клещеевки и ее батальных пейзажей. Сударя мы не осуждали, он хороший парень, с кем не бывает, но из-за остановок наша группа потеряла некоторое время, и, когда нужно было сделать финальный рывок по опасной трассе, чтобы пробиться к ребятам на позициях, вражеские дроны вдруг вышли на охоту и, сомкнув свои ряды, хищно озираясь, стали барражировать в поисках новых жертв.

«Небо закрыто, парни. Небо закрыто! Не успели проскочить, придется подождать. Придется подо-

ждать», — проурчал голос наших разведчиков в рации Арамиса».

Ну, что ж, разворот, и мы устремляем нашу «буханку» в ближайшие зеленые заросли, только там мы можем укрыться от снующих над трассой беспилотников ВСУ. Так на целый час мы застреваем в Богом забытом селе Зайцево, в нескольких километрах от линии фронта. Севернее — Артемовск (Бахмут), западнее — Клещеевка, а в самом Зайцево — останки разорванной и обезглавленной (башня на обочине) вражеским снарядом самоходки «Нона».

Пока парковались, потерпели очередное фиаско. Арматурой, торчавшей из земли, пробит радиатор охлаждения, а значит, на такой машине мы далеко не уедем, она перегреется в считанные минуты и заглохнет. Еще парочку таких провалов по порядку, и можно собрать покерный «стрит» из неудач.

Устранить поломку вручную не удалось. Придется доставить машину ремонтникам. И, несмотря на то, что небо стало чистым от дронов и долгожданный «зеленый свет» нам был дан, мы не могли рисковать и поспешили обратно в тыловое расположение батальона. Ну, как поспешили, поплелись со скоростью черепахи, ведь из-за пробитого радиатора техника постоянно закипала и норовила встать отдохнуть. И, чтобы не допустить отказа движка, нужно было постоянно его охлаждать. Хорошо, что мы везли штурмовикам внушительный объем питьевой воды и баклажками была забита добрая часть машины. Половина запаса спасительной влаги для бойцов в итоге ушла на оживление нашей

раненой «буханки». Ничего, вернемся, загрузим еще бутылей, без питья ребят не оставим. А пока не наступила ночь, нужно было добраться до безопасного ПВД. «Арамис» заливал воду в радиатор прямо во время движения, не выходя из салона. В узике так можно — чудо, а не машина!

В тот день выезд к парням под Клещеевку так и не состоялся, и именно это спасло нам жизни. Просторный блиндаж, где нас с оператором планировали разместить на ночь, был уничтожен артиллерийским ударом врага. Те из бойцов, кто там находился, погибли или получили тяжелые ранения... Таким образом, цепь, казалось бы, неудач, постигших нас вечером, на самом деле была самым крупным счастливым случаем в наших с оператором судьбах. И кто бы знал, что именно недуг Арамиса, съевшего что-то не то, и усугубивший его самочувствие, и разлившийся по салону бензин позволят нам не погибнуть в ту октябрьскую ночь 2023 года! И смешно, и в то же время жутковато — какие вроде бы незначительные и неприглядные мелочи порой играют решающую роль в потоке истории. Но тогда мы, конечно, ничего не понимали, не предчувствовали и провели свою спокойную ночь жизни в уютном доме, радушно предоставленном нам комбатом Круглым. Да, командира батальона с позывным Аскольд уже и след простыл к тому времени, и в 374-м ОСБ заправлял наш товарищ Леха Круглый, в наш прошлый приезд занимавший должность комроты.

Круглого я узнал не с первого взгляда. Алексей теперь был и не круглым вовсе, а поджарым, стройным, атлетично сложенным командиром, да еще

и гладко выбритым. И если второе — борьба с бородами, которые, хоть и не рубили по-петровски, но нещадно сбривали по требованию Минобороны — не было актом добровольным, то первое — инициатива сугубо личная. Круглый был разумным сторонником ЗОЖ, а, став комбатом, скинул десятки килограммов и своим подходом к здоровью подавал пример всем своим бойцам. Потому и пьянства в батальоне не было и быть не могло. У Круглого нрав крутой, с редкими «залетчиками» по синей волне разбор был скор и суров. Армия на войне — это не армия в тылу, тут не до нежностей и бардака. Совру, если скажу, что на войне солдаты не пьют. Еще как бывает. Люди такие люди... Но только очень многое зависит от командира. Каков рулевой, таков и порядок. У Круглого пить боялись. Да и слишком уважали командира, чтобы его подвести или попытаться обмануть. Алексей и впрямь пример настоящего офицера. А о том, что офицер — это не просто погоны и луженая глотка, я расскажу чуть позже. В общем, уважали Леху, потому и Батяней называли, хоть некоторые бойцы и сами ему в отцы годились.

Та ночь запомнилась тем, что было очень жарко от печки. Зря я вез свой спальник. А уже после полуночи вернулся с передовой и упал на соседнюю койку уставший ротный. Во сне он издавал звуки, похожие на те, что производит младенец. Вероятно, brutальный и авторитетный боец, утомленный многомесячным напряжением и суровостью условий войны, во сне вдруг увидел себя малышом, который то капризно хнычет, то радостно гулит и улыбается на руках у мамы.

Ранний подъем. Бросок на машине до окрестностей Клещеевки. Фары выключены, движение на ощупь. Остановка. Неуверенный шаг во тьму. Бойцы принимают у нас продукты и воду. Ничего не видно. Куда ушел Арамис? Дезориентация. Вот он зовет откуда-то из черноты лесной посадки. Но нас отделяет несколько метров и неглубокий овраг. Я зашел немного не туда. Мечусь: идти или не идти к «сопроводу» по прямой? А вдруг заминировано! У оврага натыкаюсь на подбитую машину. Сердце учащенно колотится в груди. Вдох. Выдох. Залпы артиллерии вдалеке. Если вдалеке, то не наша? Значит, работают по нам? Свист и потом грохот прилета далеко за нашими спинами. Значит пушки вражеские, но бьют по другим линиям. Мы на самой передовой, и сюда арта не стреляет, чтобы не задеть своих. Повезло. Или нет? Может, просто пока сюда не стреляет. И где там свои, где чужие? События и мысли соприкасаются, отскакивают друг от друга словно в бешеном калейдоскопе. Наконец, команда:

— РЕН ТВ, выдвигаемся!

Вот теперь все становится понятнее. Есть приказ, и надо всего лишь идти за сопровождающим, стараясь держать дистанцию в 3–4 метра. Что может быть проще и яснее.

Непроглядной тьмы тележурналист сторонится. Не из-за страха, а просто потому, что снимать на видеокамеру практически невозможно. Фонарик включать запрещено — он выдаст нас врагу, останется только работать в режиме «ночной съемки», в инфракрасном диапазоне. Но та, к сожалению, фиксирует только самые близкие объекты, не от-

ражая остальной окружающей картины. Но выбирать не приходится, поэтому я, не сбавляя шаг, повернувшись к оператору Кириллу Пикторинскому, вполголоса, чтобы не услышал противник, говорю в камеру:

— Прорвались по темноте. Идем к нашим позициям. Над головой постоянно летают снаряды. Вот там уже и Клещеевка! Как говорят, родина украинского страха.

А сам думаю, ну, какого «украинского»?! И нам, русским журналистам, здесь страшно, и мордвину Малому, который ведет нас куда-то сквозь мрак. Все мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что впереди сидят люди, желающие нас убить. И с каждым нашим шагом они становятся все ближе и ближе к нам. Страх — вещь такая, международная, всем нациям понятная одинаково. Но и специфику нашей телевизионной работы никто не отменял: немного идеологической пропаганды в военном репортаже не помешает, поэтому да:

«Клещеевка — родина УКРАИНСКОГО страха»!..

А еще русского, мордовского, татарского, кавказского... Но в тот момент я об этом умолчал.

А вообще ночная передовая завораживающе и пугающе красива, как космическое пространство, оно ведь тоже само по себе убийственно для человека. Прекрасное звездное небо Донбасса, по которому туда-сюда перелетают большие светящиеся точки, словно метеоры потока Персеиды. Только артиллерийские снаряды свистят и подвывают при этом. Что-то пыхает и бахает, сгорает после короткой вспышки в ночной синеве. А вот со звуком

высыпающегося гигантского гороха раскрываются кассетные боеприпасы — только успевай вращать головой по сторонам и смотреть во все глаза. Адреналин добавляет яркости ощущениям, и я настолько предаюсь восторгу от происходящего, что совсем забываю бояться. Но из эйфории созерцания меня выводит голос Лехи Малого:

— Тихо! — шикнул сопровод.

И в возникшей паузе я отчетливо услышал жужжание приближающегося беспилотника.

— Птица! В зеленку! — скомандовал боец. И когда мы нырнули в кусты и замерли, он добавил: — Молись, чтобы была наша.

Лично мне было страшновато, но я пытался дышать тише, чтобы не мешать камере записывать звук. И я не знаю, молился ли кто-то из парней в тот момент, но украинский «коптер» и впрямь нас не заметил, благополучно пролетев мимо.

— Пох*ярили быстрее! — бросил нам опытный Малой, и мы побежали. Справа от нас синхронно подпрыгивала железнодорожная насыпь, та самая клещеевская «железка», которая отделяла нас от ВСУ. Все. Вот это значит и есть первая линия, самый край фронта.

— Туда вон не лезь, там растяжки у нас, — неожиданно раздался чей-то голос из темноты. Видимо, уже дошли до позиции наших бойцов.

За спиной шмелем зажужжал очередной дрон, и мы нырнули в одну из землянок, которые были вырыты прямо в валу железной дороги. Парни рады гостям и даже не сразу верят, что мы журналисты. РЕН ТВ, здесь, на самом краю, в этом Богом забытом аду?! Безумцы. Но зато к нам сразу

проникаются уважением. Я раздаю бойцам «сникерсы» и сигареты.

— Подальше от входа уйдите, ребят, — советует нам полысевший и самый возрастной боец, командир стрелковой роты с позывным Перун. — «Баба-яга» прилетает, гранатки пытается в землянку забросить. Точнее мины «шестидесятые». Сначала психологически действует: висит, висит, на нервы давит, а потом обрабатывает.

Я озираюсь по сторонам. Землянка тесная и низкая, похожая на склеп с вырытыми углублениями влево и вправо. Здесь обычно спят 6 человек, но, когда начинаются обстрелы, может набиться целая дюжина. Меня угощают кружкой кофе «три в одном», сваренным тут же на газовой горелке. Это, конечно, и не кофе вовсе, и варить его не надо, лишь в горячей воде замешать, и крайний раз я пил такой в студенческие годы от безденежья, но в ту минуту этот напиток кажется мне самым вкусным на земле! Может на «передке» вкусовые рецепторы так обостряются?..

Замечаем старого друга Белаза, не виделись с ним с весенних боев 374-го батальона под Кременной. Здесь, в Клещеевке, пехотинец уже успел получить ранение, вылечиться и вернуться на фронт.

— Нас тогда срисовали квадрокоптеры, начали обстреливать из АГС, а потом фигачить «восьмидесятым» минометом. Прилетело... много тогда раненых было...

— Воюем отважно, пацаны молодцы, все выйдут в атаку, — включается в разговор самый улыбочивый из бойцов с позывным Жузик. — Война — тяжелая штука. Ее надо понять.

— Успел понять за два месяца? — спрашиваю.

— Успел. Переосмыслить много успел. Жизнь ценить, семью. И вообще... мир над головой.

В этой маленькой глиняной пещере я поднимаю голову и тут же упираюсь взглядом в близко нависающий потолок. Он всего полметра толщиной. Говорят, если вдруг после прилета засыплет землянку и мы останемся в живых, то легко сможем выбраться. Жузик шутит, что, «когда живешь в такой кроличьей норе, главное поменьше жрать!». Но штурмовые войска тем и хороши, мол, что помогают сбросить вес лучше любых диет. И показывает фото первых недель службы, 20 килограммов тому назад. В телефоне юморного бойца бессчетное количество эксклюзивных материалов.

— Он у нас местный блогер-папарацци, хе-хе. Только нигде не публикуется, — улыбаются пацаны. — Даже во время штурмов ухитряется как-то снимать.

Жузик для нас, тележурналистов, такой же клад, каким в свое время был Кот в том же 374-м батальоне. Я скачиваю у него со смартфона все! Сумасшедшие бои штурмовиков на «железке», падающие в ближайшее озеро мины, работу с гранатометом, обстрелы и бесчисленное количество приколов из фронтовой жизни. Я сразу дарю Жузику шеврон РЕН ТВ как нашему внештатному корреспонденту. Андрюха (да, Жузика зовут Андрей) радуется сувениру, как ребенок, и тут же вешает его на плечо. За что потом нас укорит один из редакторов эфира: «Эмблему телеканала у человека с автоматом в руках надо заблюрить (замазать покадрово), а то вдруг подумают, что это наш журналист с оружием!» Ну, по-

думают, ну, и что? Подадут жалобу в Европейский суд? Да, мол, ведь мы же не комбатанты... Нет, родные мои, мы все уже давно тут комбатанты. И нас убивают, хотя мы и воюем не снарядами, а словом и кадром, как предписано по конвенции. Нет уж. Не то время для глупостей выбрали. Мы еще какие комбатанты! Мы за свою страну воюем!

Минометный огонь курсирует вдоль железнодорожного полотна, по которому и проходит ЛБС*. В 40 метрах от «железки» первая позиция ВСУ, куда они «выкатываются», чтобы поддержать штурм или начать разминирование территории для вылазок своих ДРГ**. Если между нами не было бы этой грунтовой насыпи, мы могли бы встретиться с врагом глазами и даже различить эмоции друг друга. 40 метров — это расстояние броска гранаты. 40 метров — это всего несколько секунд бегом. Один рывок — и ты уже схватился с противником в рукопашную. Я уже не говорю о выстреле из АК-47. Одно мгновение, и вся твоя долгая сорокалетняя жизнь оборвалась. Какая-то 1 секунда против 1,26 миллиарда секунд прожитых. Но когда ты понимаешь, что жизнь должна длиться, как минимум вдвое дольше, то этот миллиард, эти четыре десятка лет, кажутся уже и не такими долгими. Когда ты понимаешь, что все может закончиться через секунду, то ты с сожалением вспомнишь те бесчисленные моменты своей истории, где ты целенаправленно убивал время. Минуты, часы, дни, недели и даже годы. Именно в эту секунду на передовой ты осознаешь ценность

* Линия боевого соприкосновения.

** Диверсионно-разведывательных групп.